

УДК 811.512.145

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЗВАНИЯ ДЬЯВОЛА И «СИЛ ЗЛА» В КАЧЕСТВЕ ЭЛЕМЕНТА ИНВЕКТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В ТАТАРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Д.К. Вахитова

*Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
e-mail: dilik15@yandex.ru*

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

Статья посвящена изучению наименований «сил зла» и дьявола в инвективной функции с целью выделения групп, относящихся к данной тематике, и анализа частотности случаев их употребления в художественном тексте. Подчеркивается актуальность исследования в данной области с учетом того, что инвективная лексика и фразеология татарского языка не отличаются высокой степенью изученности. Материалом выступают произведения татарской литературы XX столетия. В ходе количественного анализа выделяются шесть групп инвектив в рамках указанной тематики, сравнивается частота их использования в работах татарских писателей на протяжении всего исторического периода. Полученный состав инвектив анализируется с семантической и функциональной точки зрения. Отмечается, что большая часть названий «сил зла» и дьявола восходит к мифологии, фольклору и религии татар. Отдельный интерес представляет инвективное заимствование из русского языка, отличающееся высокой частотностью в художественном тексте. В результате исследования делается вывод о том, что проанализированные инвективные слова и словосочетания отличаются широким диапазоном функций. Материал, содержащийся в статье, может послужить основой для дальнейших исследований в области языка и литературы народов Российской Федерации.

***Ключевые слова:** инвективная лексика, татарский язык, татарская литература, заимствование, функция.*

Введение.

Научный интерес, серьезно проявляющийся в последние несколько десятилетий к такому языковому пласту как инвективная лексика, обосновывается ощутимой направленностью к ее более свободному употреблению и проникновению в разные стили речи и сферы коммуникации. Являясь частью эмоционально-экспрессивной лексики, инвективная лексика активно функционирует не только в разговорном стиле, но и в художественном тексте, а также нередко в публицистическом.

Ученые-инвектологи занимаются исследованием инвективной лексики с точки зрения разных аспектов для составления более полной картины ее функционирования в языке. Такие лингвисты, как

В.И. Жельвис [Жельвис 2011], В.В. Химик [Химик 2000] занимаются исследованием данного вида лексики с позиции психолингвистики, социоллингвистики и др. Отметим, что инвективная лексика и фразеология изучается в определенной степени во многих языках народов Российской Федерации, к примеру, в чувашском языкознании – Ю.Н. Исаевым [Исаев 2006], в удмуртском – Т.Н. Русских [Русских 2018], в дагестанском – Р.А. Атавовай [Атавова 2016] и т.д. В татарском языкознании данной проблеме посвящены работы Г.Р. Галиуллиной [Галиуллина 2018], Ф.И. Тагировой [Тагирова 2017] и др.

В художественном тексте татарских писателей инвектива представляет собой явление, отличающееся частотностью и функциональностью. Отметим, что данные показатели определяются авторами в зависимости от таких факторов, как отображаемая историческая эпоха, жанр, а также темы и проблемы, затрагиваемые в произведении. В данном исследовании рассматриваются особенности использования названий «сил зла», дьявола, ада в качестве основных элементов инвективности в произведениях татарской литературы. Подвергается анализу лексика и фразеология в произведениях таких классиков татарской литературы как Ф. Бурнаш, Г. Камал, М. Гафури, Г. Исхакий и др., а также в работах Н. Гыйматдиновой, А. Гилязова, Ф. Садриева, Т. Галиуллина и др., творивших в середине и конце XX века.

Материалы и методы.

Основными методами исследования являются количественный анализ, контекстуальный анализ, а также стилистический и лексико-семантический анализ инвективных слов и словосочетаний. В результате количественного анализа был выявлен инвективный конгломерат, единицы которого отличаются наибольшей и наименьшей частотностью в произведениях татарских писателей.

Результаты.

По количеству употреблений в тексте наиболее частотной инвективной единицей является *шайтан* ‘шайтан, дьявол, сатана’ (выявлено более 60 случаев употребления). В исламских преданиях *шайтан* – это представитель злых духов, который стремится заставить людей совершать грехи и ошибки. Данная инвективная единица преобладает в произведениях писателей начала XX века, таких как Г. Камал (6 случаев), Г. Исхакий (10 случаев), Ф. Бурнаш (26 случаев) и др.: *Атыңны ал, шайтан!* ‘Убери свою лошадь, дьявол’ [Амирхан 1957: 212]; *Жәһәннәмгә жибәрим шул шайтанны!* ‘Отправляю в ад этого дьявола’ [Исхакий 1991: 551]. (Перевод текстовых фрагментов здесь и далее выполнен автором статьи. – Д.В.).

Подчеркнем, что большинство случаев использования слова *шайтан* ‘шайтан, дьявол’ были выявлены главным образом в драматических и

комедийных пьесах: *Кара син аларны, карт шайтаннарны...* ‘Взгляни-ка на них, старых дьяволов’ [Бурнаш 1969: 179]; *Камал кызы – шайтан арбасы* ‘Дочь Камала – телега дьявола’ [Бурнаш 1969: 18]. Данная лексема обладает широким спектром функций. Так, в пьесе Г. Камала «Өч бәдбәхет» («Три злодея») указанная инвектива употребляется в функции оскорбления, выражения крайне отрицательного отношения к человеку: *Йөзең кара булган нәрсә, карт шайтан*. ‘Проклятый (букв. нечто с черным лицом), старый шайтан!’ [Камал 1978: 343]. В произведении Г. Исхакый анализируемая инвективная единица также способствует отражению негативной оценки инвектума: *Шул шайтанга алданып никадәр дәүләт бетердем, никадәр дәүләт!* ‘Повелся на ложь этого дьявола и сколько богатства я растратил, сколько богатства’ [Исхакый 1991: 634].

В произведениях Ф. Бурнаша инвектива *шайтан* ‘шайтан, дьявол’ является одной из наиболее излюбленных в вокабуляре героев и часто выступает в функции междометия, т.е. не обладает целью унижить оппонента, а служит в основном для выражения негодования или возмущения со стороны говорящего на определенную ситуацию: *Дәрес, шайтан алгыры, дәрес, шәһәр алар кулында*. ‘Правда, дьявол его побери, правда, город в их руках’ [Бурнаш 1969: 259].

Актуальность использования данной лексемы сохраняется и в работах татарских писателей середины и конца XX столетия М. Магдеева (7 случаев), Т. Галиуллина (6 случаев), Г. Ахунова (2 случая), Н. Гыйматдиновой (2 случая) и др.: *Ну катырак бәгырьле, шайтан алгыры*. ‘Ну жестокосердный, дьявол бы побрал’ [Гыйматдинова 2006: 196]; *Тик бер кыенлык бар, шайтан алгырысы, яңа ректорның кем буласы магаен билгесез* ‘Только есть одна загвоздка, дьявол бы побрал, наверняка неизвестно кто станет новым ректором’ [Галиуллин 1993: 106]; *Телләренә шайтан төкергән яшьләр!* ‘Молодежь, которым на язык дьявол плюнул’ [Магдеев 1978:18].

Кроме вышеупомянутых функций анализируемая инвективная единица используется и в несвойственной ей функции. Так, в произведении Г. Ахунова «Хужалар» («Хозяева») лексема *шайтан* ‘шайтан, дьявол’ приобретает определенный комплиментарный оттенок, реализовывая эмоционально-экспрессивную функцию: *Кара син аны, хитрый шайтанны, әтисен аңлап, әтисенең ни теләгәннен белеп, ничекләр килештереп эшләде бит, Арслан сизми дә калды*. ‘Смотри-ка на него, хитрый дьявол, поняв своего отца, узнав, что тот хочет, как он ладно все сделал, Арслан даже не заметил’ [Ахунов 1968:143].

Следует отметить, что слово *шайтан* ‘шайтан, дьявол’ часто используется совместно с интенсификатором в составе выражения, что придает речи персонажей литературных произведений дополнительную экспрессивность и выразительность. Были выявлены следующие

выражения: *карт шайтан* ‘старый дьявол’, *шайтан алгыры* ‘шайтан побери’, *шайтан баласы* ‘дитя дьявола’, *шайтан нәрсә* ‘нечто дьявольское’, *кара шайтан* ‘черный дьявол’, *убырлы шайтан* ‘нечистый дьявол’ и др.

Следующая группа инвективных сочетаний со словом *черт* является обширной. Было выявлено более 15 случаев его использования в рассматриваемых работах татарских писателей. Данная инвектива представляет собой заимствование из русского языка. В произведениях выделяется различное написание слова *черт* авторами, были обнаружены следующие орфографические вариации: *чорт*, *чурт*, *чорт вәзми* ‘черт возьми’. На наш взгляд, данные изменения в написании в значительной степени связаны со стремлением к выражению принадлежности к татарской национальной культурной идентичности, в результате даже русские слова приобретают татарский оттенок в устах героев.

Количественный анализ свидетельствует о преобладании данной инвективы в произведениях писателей начала XX века в сопоставлении с работами писателей конца столетия: «*Тфү, чортлар! Ахмаклар!*» – *дип төкертәләр*. ‘«Тьфу, черти! Глупцы!» – заставляют плевать» [Тукай 1953: 46]. В выявленных случаях инвектива *черт* используется главным образом не в функции оскорбления или унижения человеческого достоинства, а в междометной функции, при этом эмоциональная нагрузка высказывания сохраняется: *Ну, чорт с ним, шкатулка эчендә юлга житәрлек акча чыкса, ник кадалып китми шунда*. ‘Ну, черт с ним, если в шкатулке есть достаточно денег на дорогу, пропади пропадом’ [Камал 1978: 40]; *Черт, ул түгел, менә бу!* ‘Черт, не то, вот это’ [Исхакый 1991: 561]; *Шундыйларны уйласаң, чорт вәзми, йөрәк әллә нишләп китә!* ‘Когда думаешь о таких, черт возьми, с сердцем что-то происходит’ [Гафури 1983: 399]; *Фу... черт возьми...* [Бурнаш 1969: 141] и др.

В работах нескольких писателей были выявлены идентичные предложения, содержащие анализируемую инвективу, с целью междометного восклицания: *Тфү, чорт!* ‘Тьфу, черт’ [Камал 1978: 62]; *Тфү, чурт!* ‘Тьфу, черт’ [Камал 1978: 78]; *Тфу, черт!* ‘Тьфу, черт’ [Исхакый 1991: 535].

Инвектива *черт* так же как *шайтан* ‘шайтан, дьявол’ может использоваться как средство одобрения, похвалы, к примеру, *Тик тормый, утын кистеңме, чурт-шайтан...* ‘Не бездельничал, дрова колол, черт-дьявол...’ [Гафури 1983: 6].

Интересным с точки зрения сопоставления лексического подбора и общего значения высказывания является предложение из пьесы Г. Камала «Уйнаш» («Распутство») *Чуртым курка синнән!* в значении ‘никто тебя не боится’ (букв. черт мой тебя боится) [Камал 1978: 105].

Были выявлены случаи отсылания к черту в работе татарского писателя и публициста Ф. Амирхана: *Ну его к черту!* [Амирхан 1957: 357]. Подобные элементы в речи героев придают высказыванию эмоциональную насыщенность и экспрессивность.

В литературных произведениях более позднего периода был выявлен незначительный ряд случаев употребления инвективы *черт*. Главным образом данная лексема используется в работах М. Магдеева и Т. Галиуллина в функции междометия: *Ә, чуртым! Белемне аны белергә теләгән кешеләргә генә бирәсе.* ‘А, черт! Знания нужно давать только тем, кто их хочет’ [Магдеев 1988: 22]; *Ә, чуртым, Мәсрүрә укытучымыни ул!* ‘А, черт, Масрура разве учитель’ [Магдеев 1988: 219]; *К черту! Төкерәм мин сезнең логикагызга!* ‘К черту! Я плюю на вашу логику’ [Магдеев 1988: 107]; *Ни чуртыма соң әле мин шундый чибәр хатынга бәйләнен ятам.* ‘На кой черт я привязался к такой красивой женщине’ [Галиуллин 1997: 179]. Интересным представляется использование рядом писателей такой формы слова как *чуртым*, представленной в притяжательном падеже, обозначающей ‘мой черт’, что несвойственно для русскоязычных литературных произведений.

Менее обширную группу инвектив составляют слова и выражения с лексемой *убыр*. В татарско-русском словаре представлен следующий перевод – ‘оборотень, вампир, вурдалак, упырь’ [Татарско-русский словарь Т.2 2007: 465]. В мифологии татар *убыр* – это злой дух, который может вселяться в людей и подчинять их своей воле. В татарских словарях данное слово имеет пометку *бран.*, что свидетельствует о его активном использовании в качестве инвективной единицы. Отметим, что в своих литературных произведениях авторы начала XX века часто обращаются к инвективе *убыр* при описании или выражении негодования по отношению к некоторым персонажам. В стихотворении «Гыйсьян» («Мятеж») и других произведениях Х. Такташа был выявлен ряд случаев использования данной инвективной единицы: *Убырлар сакчысы!* ‘Хранитель упырей!’ [Такташ 1942:34]; *Ах, син улыр!* ‘Ах, ты, упырь’ [Такташ 1942: 263].

В своих комедийных и драматических произведениях «Яшь йөрәкләр» («Молодые сердца»), Хөсәен мирза («Хусаин Мирза»), Камали карт («Старик Камали») и др. Ф. Бурнаш использует инвективные выражения со словом *убыр*, к примеру, *убырлы карчык*. В мифологии и фольклоре татар *убырлы карчык* представляет собой чрезвычайно отрицательный персонаж, старуху, в которую вселился *убыр*. Она представляет враждебную угрозу людям. Ее образ часто соотносится с образом Бабы-Яги в фольклоре славянских народов: *Үзең зарланып утырасың ич әле, улырлы карчык...* Сидишь ведь тут и ворчишь, старая ведьма [Бурнаш 1969: 162]; *Син ничек итеп мине мыскыллысың, улырлы карчык!* Как ты меня унижаешь, старая ведьма [Бурнаш 1969: 163].

В речи героев пьес писателя были также выявлены фразы с компонентами *убырлы* 'проклятый, нечистый' + существительное. Так, автор использует выражение *убырлы бүкән* 'проклятый болван' (букв. бүкән – обрубок, ступица): *Менә бу убырлы бүкәннең... Бирермен мин сезгә кара кәжә дә убырлы бүкәннәрегезне... югалыгыз икегез дә күземнән... 'Вот этот твой чурбан проклятый... Сейчас я вам задам злодеям (букв. черная коза) и проклятым болванам... исчезнете с глаз моих...'* [Бурнаш 1969: 164]; *Менә бу убырлы бүкән мине эттән алып эткә салды. 'Этот болван проклятый забрал меня у собаки и отдал собаке'* [Бурнаш 1969: 163].

В татарско-русском словаре представлено второе значение слова *убыр* – обжора, прорва [Татарско-русский словарь Т.2 2007: 465]. Интерес с этой точки зрения представляет выражение *убырлы бирән* 'проклятый обжора, чревоугодник', которое драматург Ф. Бурнаш использует для отображения отрицательных человеческих качеств в процессе конфликтного взаимодействия между героями: *Тик кенә тор, убырлы бирән! Убыр! 'Стой спокойно, проклятый обжора! Упырь!'* [Бурнаш 1969: 179].

В произведениях более современных писателей обнаружен лишь один случай употребления инвективы *убыр*. В романе Т. Галиуллина «Тәүбә» («Покаяние») анализируемая инвективная единица усиливает негативность высказывания: *Вампир, убыр икән, мылтыкны гына түгел, халне дә суырды. 'Он оказывается вампир, упырь, не только ружье забрал, но и силы'* [Галиуллин 1997: 141].

В ходе анализа были обнаружены случаи употребления слова *иблис* 'сатана, дьявол, нечистая сила' в функции инвективы. В исламской мифологии *иблис* стоит во главе других злых духов. В татарско-русском словаре имеет пометку *бран.* и используется для номинации злого человека, обманывающего и сбивающего с пути истины других людей [Татарско-русский словарь Т.1 2007: 428]. Данная инвектива встречается в художественном тексте реже, чем вышеупомянутые инвективы: *Черчил – иблис! – диде Берна ханым, ачуланып. Иблестән барын да кәтәргә мөмкин. 'Черчилль – дьявол! – сказала госпожа Берна, разозлившись. От дьявола можно ожидать чего угодно'* [Айди 2000: 304]; *Трибунадан төш, иблис! 'Спускайся с трибуны, дьявол'* [Садриев 2005: 335]; *Мин ул Иблис Иргалинең тиресен инә белән тунатырмын. 'Я сдеру иголкой кожу этого дьявола Иргали'* [Бурнаш 1969: 124].

Инвектива *жәен* 'джин, черт, бес' не представлена многочисленными примерами в произведениях. Согласно мифологическим представлениям татарского народа *жәен* представляет собой нечистую силу, служащую сатане и совершающую различные злодеяния. На основе этих характеристик *жәен* сопоставляется с негативными чертами человека. В словаре также имеет помету *бран.* [Татарско-русский словарь Т.1 2007:

389]. Случаи употребления данного слова в инвективном контексте были обнаружены в работах А. Гилязова, Г. Камала: *Койрыклы эжен!* 'Хвостатый бес' [Гилязов 1994: 129]; *Женнар! Жыен ата ялкау!* 'Бесы! Сборище неисправимых бездельников' [Гилязов 1994: 172]; *Жен шикелле курам шуны.* 'Вижу его как черта (беса)' [Камал 1978: 30].

Интерес вызывает выражение *эжен шикелле (кебек)* 'как черт' с точки зрения особенностей семантики. Татарско-русский словарь предлагает набор совершенно разных значений:

- 1) как черт (страшный, некрасивый);
- 2) очень сообразительный и хитрый;
- 3) здоровый как черт [Татарско-русский словарь Т.1 2007: 389].

Семантический анализ свидетельствует о том, что указанное словосочетание обладает как отрицательной, так и положительной коннотацией, соответственно, может применяться как в инвективной, так и в комплиментарной функции.

Наименьшей частотностью характеризуется инвектива *пәри* 'пери, черт, бес'. В татарской народной мифологии и фольклоре *пәри* представляет собой злое существо, являющееся олицетворением набора негативных качеств. С течением времени образ *пәри* менялся, приобретая и положительные качества. *Пәри*, как правило, предстает в образе женщины, реже мужчины. В татарско-русских словарях фразеологические словосочетания со словом *пәри* не отражают положительную коннотацию, к примеру, *пәри алмаштырган* (букв. пери заменил его на свое дитя) используется для номинации грязных, некрасивых либо невоспитанных детей. Выражение *пәри табагачы* (букв. сковородник пери) обозначает нескладного худого и высокого человека, в то время как *пәри кызы* (букв. дочь пери) обозначает неприятную или невоспитанную девушку [Татарско-русский словарь Т.2 2007: 137]. Был выявлен один случай употребления данного слова в функции оскорбления в работе Х. Такташа: *Пәри кызы!* 'Дочь пери!' [Такташ 1942: 16].

Обсуждение результатов.

В соответствии с результатами проведенного количественного и семантического анализа были выявлены основные группы наименований «сил зла» и дьявола, используемые в татарских литературных произведениях в качестве инвективных единиц. Ниже представлен рейтинг тематических групп инвектив, соответствующих указанной тематике в порядке их частотности употребления в художественном тексте (от наибольшей частотности к наименьшей):

1. *Шайтан* 'шайтан, дьявол'.
2. *Черт*.
3. *Убыр* 'оборотень, вампир, вурдалак, упырь'.

4. *Жен* 'джин, черт, бес'.
5. *Иблис* 'сатана, дьявол, нечистая сила'.
6. *Пәри* 'пери, черт, бес'.

Следует отметить, что татарская национальная культура приписывает каждому виду «сил зла» свои определенные характеристики и особенности на основе чего происходит перенос этих качеств на человека, следовательно их наделение инвективными функциями.

Среди шести выявленных тематических групп особое место занимает инвектива *черт*, потому что является единственным заимствованием из русского языка и обладает высокой частотностью в художественном тексте. Данное явление объясняется, на наш взгляд, несколькими факторами. Прежде всего, это обусловлено тесным контактом русского и татарского языков на территории Республики Татарстан. Кроме того, лексема *черт* придает высказыванию высокую степень экспрессивности и эмоциональности, а также обладает значительным набором функций, что позволяет употреблять его в широком спектре контекстов.

Заключение.

Результаты семантического анализа названия «сил зла» и дьявола в источниках литературных произведений разных исторических периодов в жизни татарского народа позволили сделать ряд значимых выводов.

Проанализированные инвективные слова и словосочетания отличаются широким диапазоном функций и применений. Выявлено, что указанные единицы активно используются не только в своей ключевой функции – оскорбление и негативная характеристика человеческих качеств и поведенческих черт, но также в междоментной функции. Инвективы в данной функции не предполагают унижение оппонента, а лишь применяются как средство снятия эмоционального напряжения. Были обнаружены случаи использования инвективной лексики в речи героев произведений в противоположной, т.е. положительной функции. Наименования «сил зла» и дьявола использовались для выражения одобрения и похвалы.

Результаты исследования позволили обозначить конгломерат инвектив, которые меняли свою частотность с течением времени. К примеру, количество случаев употребления слова *шайтан* 'шайтан, дьявол' героями произведений к концу XX века снижается. Высказываний персонажей с компонентом *пәри* 'пери, черт, бес' не выявлено в анализируемых работах конца столетия. На наш взгляд состав и частотность инвектив обусловлены влиянием исторического периода, событий, отражаемых в произведениях, спецификой характеров героев произведений.

Большинство названий «сил зла» и дьявола восходят к мифологии, фольклору, религии татарского народа, что в определенной степени

способствует отражению национального колорита, менталитета, реалий и культурных особенностей татар. Динамичное использование названия дьявола и других демонических духов в качестве инвективы обусловлено стремлением избегать обценной лексики. Данное явление объясняется религиозным воспитанием татар и применением указанной лексики с целью устрашения. В заключении необходимо подчеркнуть, что инвективная лексика способствует созданию ярких персонажей и приближает доступность эмоций героев простому читателю.

Библиографический список

Атавова Р.А. Инвективная лексика как средство выражения языковой агрессии (на материале дагестанских периодических изданий) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №5 (59): в 3 ч. Ч. III. С. 78–80.

Галиуллина Г.Р. К проблеме изучения разговорной речи в современном татарском языкознании // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Труды и материалы международной конференции / Под общей редакцией К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Э.А. Исламовой, 2018. С. 40–44.

Жельвис В.И. Грубость как регулятор коммуникативного поведения // Сборник научных трудов к 80-летию В.И. Жельвиса. Ярославль: Изд-во ЯГПУ. 2011. С. 258–289.

Исаев Ю.Н. Чувашские эмотивные антропосемизмы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 157 с.

Русских Т.Н. Особенности инвективной лексики в коммуникативном поведении современных удмуртов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 4 (48). С. 215–222.

Тагирова Ф.И., Вахитова Д.К. Функционирование инвективной лексики с компонентом-зоонимом в татарском и удмуртском языках // Ежегодник финно-угорских исследований. Том 11. Выпуск 4. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. С. 31–41.

Татарско-русский словарь. В 2-х т. Т.1 (А-Л). Казань: Алма-Лит, 2007. 726 с.

Татарско-русский словарь. В 2-х т. Т.2 (М-Я). Казань: Магариф, 2007. 726 с.

Химик В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.

Ахунов Г. Хужалар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1968. 216 б.

Әйди Т. Иблискә ришвәт. Роман. Казан: «Аваз», 2000. 376 б.

Әмирхан Ф. Повестьлар, хикәяләр. Ике томда. Т.1. Казан: таткнигоиздат, 1957. 400 б.

Бурнаш Ф. Яшь йөрәкләр. Пьесалар, шигырьләр, поэмалар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1969. 376 б.

Галиуллин Т.Н. Замана балалары: истәлекләр, уйланулар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. 224 б.

Галиуллин Т.Н. Тәүбә: роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 240 б.

Гафури М. Әсәрләр: Дүрт томда. III том. Проза һәм публицистика (1902-1917). Казан: Тат. кит. нәшр., 1983. 392 б.

Гыйләжәев А. Әсәрләр, дүрт томда. 1 т.: Хикәяләр. Повестьлар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1994. 574 б.

Гыйматдинова Н. Бер тамчы ярату: Повестьлар, хикәяләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 2006. 351 б.

Исхакый Г. Зиндан. Сайланма проза һәм сәхнә әсәрләре. Төзүчесе, текст һәм искәртмәләргә хәзерләүче Л. Гайнанова, кереш һәм ахыр сүз авторлары И. Нуруллин, Н. Мәхмүтов, Л. Гайнанова. Казан: Тат. кит. нәшр., 1991. 671 б.

Камал Г. Әсәрләр, өч томда. Т.1.: Пьесалар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1978. 408 б.

Мәһдиев М.С. Кеше китә жыры кала // Казан утлары. 1978. №11. С. 7–70.

Мәһдиев М.С. Фронтвиклар: Роман. Икенче басма. Казан: Тат. кит. нәшр., 1988. 340 б.

Садриев Ф. Бәхетсезләр бәхете: Роман. Казан: Тат. кит. нәшр., 2005. 351 б.

Такташ Н. Әсәрләр. Казан: Татгосиздат, 1942. 367 б.

Тукай Г. Сайланма әсәрләр: Ике томда. I т. Казан: Татгосиздат, 1953. 321 б.

References

Atavova R.A. Invektivnaya leksika kak sredstvo vy`razheniya yazy`kovoј agressii (na materiale dagestanskix periodicheskix izdanij) // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2016. №5 (59): v 3 ch. Ch. III. S. 78–80.

Galiullina G.R. K probleme izucheniya razgovornoј rechi v sovremennom tatarskom yazy`koznanii // Nauchnoe nasledie V.A. Bogorodiczkoј i sovremenny`j vektor issledovanij Kazanskoј lingvisticheskoј shkoly`. Trudy` i materialy` mezhdunarodnoј konferencii. Pod obshhej redakciej K.R. Galiullina, E.A. Gorobecz, E`.A. Islamovoj, 2018. S. 40–44.

Zhel`vis V.I. Grubost` kak regulyator kommunikativnoј povedeniya. Sbornik nauchny`x trudov k 80-letiyu V.I. Zhel`visa. Yaroslavl`: izd-vo YaGPU. 2011. S.258–289.

Isaev Yu.N. Chuvashskie e`motivny`e antroposemizmy`. Cheboksary`: Izd-vo Chuvash. un-ta, 2006. 157 s.

Russkix T.N. Osobennosti invektivnoј leksiki v kommunikativnom povedenii sovremenny`x udmurtov // Vestnik NII gumanitarny`x nauk pri Pravitel`stve Respubliki Mordoviya. 2018. № 4 (48). S. 215–222.

- Tagirova F.I., Vaxitova D.K. Funkcionirovanie invektivnoj leksiki s komponentom-zoonimom v tatarskom i udmurtskom yazykax // Ezhegodnik finno-ugorskix issledovanij. Tom 11. Vy`pusk 4. Izhevsk: Izdatel`skij centr «Udmurtskij universitet», 2017. S. 31–41.
- Tatarsko-russkij slovar`. V 2-x t. T.1 (A-L). Kazan`: Alma-Lit, 2007. 726 s.
- Tatarsko-russkij slovar`. V 2-x t. T.2 (M-Ya). Kazan`: Magarif, 2007. 726 s.
- Ximik V.V. Poe`tika nizkogo, ili prostorechie kak kul`turnyj fenomen. SPb.: Filologicheskij fakul`tet SPbGU, 2000. 272 s.
- Axunov G. Xuzhalar. Kazan: Tat. kit. nashr., 1968. 216 b.
- Ajdi T. Ibliska rishvat. Roman. Kazan: «Avaz», 2000. 376 b.
- Amirxan F. Povest`lar, xikayalar. Ike tomda. T.1. Kazan: tatknigoizdat, 1957. 400 b.
- Burnash F. Yash` joraklar. P`esalar, shigy`r`lar, poe`malar. Kazan: Tat. kit. nashr., 1969. 376 b.
- Galiullin T.N. Zamana balalary`: istaleklar, ujanular. Kazan: Tat. kit. nashr., 1993. 224 b.
- Galiullin T.N. Tauba: roman. Kazan: Tatar. kit. nashr., 1997. 240 b.
- Gafuri M. Asarlar: Durt tomda. III tom. Proza ham publicistika (1902-1917). Kazan: Tat. kit. nashr., 1983. 392 b.
- Gy`jləjev A. Asarlar, durt tomda. 1 t.: Xikayalar. Povest`lar. Kazan: Tat. kit. nashr., 1994. 574 b.
- Gy`jmatdinova N. Ber tamchy` yaratu: Povest`lar, xikayalar. Kazan: Tat. kit. nashr., 2006. 351 b.
- Isxaky`j G. Zindan. Sajlanma proza həm saxna asarlare. Tozuchese, tekst ham iskarmalarne xazerlauche L. Gajnanova, keresh ham axy`r suz avtorlary` I. Nurullin, h. Maxmutov, L. Gajnanova. Kazan: Tat. kit. nashr., 1991. 671 b.
- Kamal G. Asarlar, och tomda. T.1.: P`esalar. Kazan: Tat. kit. nashr., 1978. 408 b.
- Mahdiev M.S. Keshe kita zhy`ry` kala // Kazan utlary`. 1978. №11. S. 7–70.
- Mahdiev M.S. Frontoviklar: Roman. Ikenche basma. Kazan: Tat. kit. nashr., 1988. 340 b.
- Sadriev F. Baxetsezlar baxete: Roman. Kazan: Tat. kit. nashr., 2005. 351 b.
- Taktash h. Asarlar. Kazan: Tatgosizdat, 1942. 367 b.
- Tukaj G. Sajlanma asarlar: Ike tomda. I t. Kazan: Tatgosizdat, 1953. 321 b.